

Вадим БАРАНОВ, доктор филологических наук

Насильственный уход из жизни любого человека, а уж великого тем более, неизменно порождает множество слухов, предположений, версий и т. д. Маяковский — не исключение. Появился уже целый ряд публикаций, авторы которых склоняют читателя к мысли о вмешательстве, как теперь говорят, властных структур в судьбу поэта. Одна из недавних статей такого рода — «Самобийство Маяковскому могли внушить», принадлежащая поэту-литературоведу К. Кедрову.

Не случайно пишу через черточку эти два амплуа К. Кедрова, потому что, забегая вперед, скажу: вопросы, которые встали передо мной по прочтении, таковы — не слишком ли на сей раз нарушено равновесие двух начал? Не слишком ли свободный полет поэтического воображения, порождающий немало остроумных догадок, доминирует над кропотливым углублением исследователя, текстолога в суровую прозу фактов и документов?

Один из разделов статьи для исследователей творчества Маяковского прозвучит, полагаю, весьма неожиданно: «Поединок со Сталиным». Речь о том, что будто бы «переполнило чашу терпения Победоносикова — Джугашвили» в 1930 г., в год постановки «Бани».

Сопоставление Сталина с высеиваемым взрывг бюрократом из сатирической комедии не представляется убедительным. Так же, как и пассаж об изымавшихся из поэмы о Ленине строках, в которых энергично опровергается представление о том, что Ленин был «вождь милостию божьей». А завершались строки двустихием: «Я бросал бы в небо богохульства, По Колеблю бы бомбами метал «долой!»

Верно, «дураком Сталин не был». Не был он, однако, и человеком, совсем уж ничего не понимавшим в поэзии (хотя, конечно же, уточненным художественным вкусом не обладал). И экспрессивную метафорическую инсказание вполне мог отличить от крамольного призыва к терроризму. Но вот вель куда клонит наш автор: «В 1925 году, когда строки эти были написаны (почему в 1925-м, ведь поэма завершена в 1924 году?) — В. Б.), он «сделал вид, что поэма ему очень понравилась, но в 30-м году Маяковского надо бы

ло убирать во что бы то ни стало. И его убрали».

Увы, между категоричностью этого вывода и системой доказательств — дистанция весьма внушительного размера... Уязвимость позиции К. Кедрова состоит в том, что, тщательно подбирая данные, подтверждающие его версию, и не гнушаясь никакой «мелочью», он обходит другие факты, кои с версией расходятся.

Как тут не вспомнить, к примеру, стихотворение «Домой!» с его известными строка-

ния небывалого в мире партийного государства.

Мог ли Сталин быть недоволен такой концепцией? Да о большем он и не мечтал!

Маяковский не только размышлял стихом на эту тему, но и поступал соответствующим образом (вспомним выпады против Горького — «эмигранта», против Шалапина). В некоторых случаях ход мысли поэта весьма любопытен. Склоняя Горького к идее возвращения домой, Маяковский пускает в ход аргументы весьма своеобразные и к внутреннему содержанию творческого труда отношения не имеющие: «Я знаю — Вас це-

ние писателя в обществе. Была развернута кампания невиданной травли, направленной против Е. Замятина и Б. Пильняка в связи с публикацией их произведений на Западе (хотя и другие печатались там тоже).

Маяковский не просто поддержал тех, кто «единодушно осудил». Свою точку зрения он сформулировал с присущей ему полемической заостренностью и тем самым, пожалуй, завоевал право на самый печальный, быть может, приоритет. «Повесть о «Красном дереве» Бориса Пильняка (так, что ли?), впрочем, и другие повести и его и многих других не читал», но «в сегодня-

жоникдзе, Калинин, Ворошилов, Ярославский и др.», — сообщает пресса, выделив среди участников концерта персонально лишь Маяковского. Первый придворный поэт эпохи построения социалистического общества? Или травимый властью, обложенный, загнанный в угол? Кто он?

На концепцию «поединка» со Сталиным плохо работает и «Баня». Не случайно в статье не приводятся конкретных данных о запрете спектакля. Известно, однако, что пьеса провалилась, публика не приняла ее, не оценив художественную мощь ее сатирического заряда. Газеты опубликовали с десятком

поэту нашей советской эпохи. Столь недвусмысленной оценки вождю показалось мало, и он добавил, что забвение памяти поэта — преступление. То есть раздалась команда к канонизации Маяковского. Напомню, что сталинские слова прозвучали в декабре 1935 года и предваряли они те знаменитые четыре статьи, начиная с «Сумбура вместо музыки» о Шостаковиче (а потом — о живописи, балете и архитектуре), которые в ходе так называемой кампании по борьбе с формализмом утверждали наступление эры ждановщины в искусстве.

В сложившейся в середине 30-х годов ситуации Сталин использовал имя Маяковского против Горького, с которым после убийства Кирова отношения испортились вконец, и против Бухарина, который на I съезде писателей отдавал предпочтение Пастернаку перед Маяковским.

Разумеется, манера, стиль Маяковского были Сталину чужды, и по достоинству оценить лучшие его творения, обогащающие мировую поэзию, он был не в состоянии. Но четыре упомянутые статьи недвусмысленно свидетельствовали, торжеству какой манеры отдается решительное предпочтение.

Сталину надо было, чтоб с Маяковского эти строптивцы-писатели брали пример в главном: в послушном выполнении воли всевидящего и всепонимающего руководства.

Я видел задачу этих заметок в том, чтобы выразить свое критическое отношение к версии о насильственном устранении Маяковского. Если же говорить о подлинных причинах его трагического ухода, то все тут, безусловно, не сводится только к несчастной любви.

Что и говорить, в послеоктябрьской истории нашей родины множество страниц, писанных кровью. Не потому ли возникает немалый соблазн трагедии любой крупной личности напрямую связать со злодеяниями тоталитарного режима? Но в таких вопросах излишнее усердие не помогает установлению истины. Факты, только они создают прочный фундамент для превращения гипотезы в концепцию. Преувеличенно «обществоведческий» уклон не помогает распутывать сложность жизни.

А у гигантской личности — сугубо свой жизненный ритм, своя индивидуальная судьба и свое право распоряжаться ею.

СТАЛИН ПРОТИВ МАЯКОВСКОГО: ПОЕДИНОК, КОТОРОГО НЕ БЫЛО

ми о желании поэта, чтобы о работе стихов от Политбюро делал доклад Сталин. Написано оно было, кстати, в 1925 году, когда сталинское единовластие еще далеко не утвердилось окончательно, и в условиях острой внутрипартийной борьбы слова известного поэта прозвучали как весьма основательная поддержка будущему вождю.

Но дело не только в этих словах, которые часто берутся изолированно от той последовательной программы огосударствления искусства, его большевизации, которую провозглашает в поэзии Маяковский. Это отсюда же — «я хочу, чтоб в дебатах потел Госплан, мне давая задания на год». Но, оказывается, заданий мало. «Я хочу, чтоб над мыслью времен комиссар с приказанием нависал». И, наконец, еще одно заветное желание: «Я хочу, чтоб в конце работы завком запирает мои губы замком». Процесс планового поэтического производства завершён, а об итогах его — судить Сталину.

Заметим — лидеру партии, а не государства. Маяковский очень хорошо ориентировался в политической конъюнктуре. Может быть, лучше других художников он начинает понимать, что происходит процесс созда-

ния и власть, и партия, Вам дали б все — от любви и до квартир». Не слишком ли прозаичен аргумент о жилплощади, жалюймовой начальством (только что метраж не указан!) в таком принципиальном вопросе, как идейная позиция художника?..

Кому не памятна бесконечно цитированные слова: «И песня, и стих — это бомба и знамя, и голос певца поднимает класс», и т. д. Но гораздо менее известны строки, завершающие стихотворение «Господин «народный артист»:

«А тех, кто под ноги
атакующим, бросится,
с дороги уберет
рабочий пинок.
С барина с белого
сорвите, наркомпросцы,
народного артиста
красный венок!»

Стихотворение было опубликовано в «Комсомольской правде» 2 июня 1927 года, а 24 августа с великого русского певца почетное звание было «сорвано».

Но Маяковский был не только «ударник производства», сделщик на «советском заводе». Он с готовностью принимал участие в акциях массового характера, от которых можно было бы и уклониться. В 1929 году Сталин решил добиться «великого перелома» во всем, включая и положе-

ние дни густеющих туч это равно фронтной измене».

Думаю, всем ясно, как могла сложиться судьба писателя, против которого выдвигалось такое, чисто политическое обвинение. Б. Пильняка и Е. Замятина спас М. Горький, который один, буквально один выступил в их защиту против «единодушников». И Сталин вынужден был послушать его, потому что он, Горький, был ему нужнее других писателей.

На сей раз Маяковский ромахнулся, и — основательно. Воюя за место под солнцем для себя и для возглавляемого им РЕФа (заметка против Пильняка была подписана Маяковским «От РЕФа»), он никак не рассчитывал на то, что роль лидера Сталин отдаст Горькому, осудив в специальном постановлении ЦК, принятом в самом конце 1929 года, врагов Горького из РАППа.

«Обложили со всех сторон», — пишет К. Кедров о Маяковском. Руководствуясь чем, собственно? Чего добиваясь? Устранения недобросовестнейшего исполнителя деяний, в высшей мере необходимых высшему начальству? 21 января 1930 года, за три месяца до смерти, «обложенный» поэт читает на траурном ленинском вечере в Большом театре третью часть поэмы. «В президиуме — товарищи Сталин, Молотов, Орд-

критических рецензий. Но чем все же кончилась кампания? Ее завершила статья в «Правде», месяц спустя после публикации первой рецензии, появившейся здесь же и принадлежащей одному из руководителей РАППа Ермилову (это с ним хотел бы «другаться» Маяковский, о чем не преминул заявить в предсмертной записке). Так вот, автор последней рецензии, старый большевик, известный в те годы театральный деятель В. Попов-Дубовский писал 8 апреля (за шесть дней до рокового выстрела!): «Пьеса написана талантливым автором, поставлена талантливым режиссером в одном из культурных театров с особой тщательностью. Таким образом, мы имеем дело с серьезным театральным явлением, и это обязывает подойти к оценке его с необходимой объективностью».

Как видим, «Правда» защитила не только драматурга, но и режиссера, то бишь Мейерхольда, и видеть именно в постановке «Бани» повод для последующей расправы над ним — значит вольно или невольно упрощать картину.

Ну, и уж совершенно непонятно, почему К. Кедров обходит ту итоговую оценку, которую дал Сталин Маяковскому как лучшему, талантливейшему